

Н.А. Дубова, Р.М. Сатаев

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
dubova_n@mail.ru, rob-sataev@mail.ru

**КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНЫХ РАЙОНОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

N.A. Dubova, R.M. Sataev

N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology
and Anthropology RAS,
Moscow, Russia

**COMPREHENSIVE STUDY OF LIFE-SUPPORT SYSTEMS
OF THE POPULATIONS OF THE SOUTHERN DISTRICTS OF CENTRAL ASIA
FROM THE BRONZE AGE TO THE PRESENT DAY**

ABSTRACT: The article presents the most significant results of the interdisciplinary study of Gonur Depe, the Bronze Age site of Turkmenistan, and separate investigations of the medieval monuments of Turkmenistan, as well as field research among the Tajiks in Baljuvon and Parhar areas of Tajikistan (2012-2015) and among the Turkmen in Mary province. Based on the analysis of the structure of farmed and harvested animals and cultivated and used plants, different basic types of adaptation strategy to environmental conditions of life support systems are separated: the first type is not closely related to the conditions of natural areas (Gonur Depe, medieval Kyz-Kala in Ancient Merv) and the second type (New Nisa in the piedmont of Kopet Dagh) is implemented in strict dependence on well-defined climatic conditions and resources inherent in any geographical area. Another situation is demonstrated by Ephtalite cemetery Shakhidon in Tajikistan, where the widespread using of equids in a funeral ceremony reflects the nomadic traditions. Studied in the same regions (Bronze Age Altyn Depe, Gonur Depe in Turkmenistan; Buston VI in Uzbekistan; Kushan Ksirov and medieval Shakhidon in Tajikistan) rich paleoanthropological material showed that, despite the widespread individual diseases, the diachronic population demonstrates adaptation to the complex of environmental factors. Paleopathological data, skull and postcranial skeleton phenetics, as well as other systems of traits show that all the studied group of ancient people did not show manifestations of exclusion.

Одной из важных задач этнологии, археологии и палеоантропологии является изучение систем жизнеобеспечения и выявление факторов, влияющих на их локальное разнообразие, стабильность, устойчивое развитие и эволюцию. В центре внимания нашего коллектива находится именно система жизнеобеспечения в целом. Интегрирующую роль в проекте играют положения этноэкологической школы профессора В.И. Козлова, в том числе, принадлежащей ему трактовки концепции «систем жизнеобеспечения» [Козлов, 1983; Ямсков, 2009].

Основой проекта явились многолетние исследования, ведущиеся на известном памятнике эпохи бронзы Туркменистана Гонур Депе [Сарианиди, 1990, 2002; У истоков цивилизации, 2004; ТрМАЭ, 2008, 2012, 2014; На пути открытия цивилизации, 2010 и др.], отдельные разработки по средневековым памятникам юга Туркменистана — Древнего Мерва и Новой Нисы, а также полевые исследования среди таджиков Бальджуванского и Пархарского районов Таджикистана (2012-2015) и среди туркмен Марыйского вelayata (2009-2015)¹. Анализировались традиционные формы эксплуатации природно-территориальных комплексов, материальные и духовные аспекты животноводства, охоты, рыболовства, земледелия и эксплуатации естественных растительных ресурсов,

¹ Исследования проводились в рамках проекта РФФИ № 13-06-00235, РГНФ № 15-01-18064, а палеоантропологические — по проекту РГНФ № 16-01-00288.

роль животных и растений (и их дериватов) в ритуальной практике населения региона, отражению растительной символики в культурных традициях, взаимозависимость между отдельными компонентами системы жизнеобеспечения и особенностями физических показателей древнего, средневекового и современного населения (оценка «качества жизни»).

Представленный комплекс исследований дает возможность получить немало интересных результатов в каждой из перечисленных областей. Кроме того, изучение различных компонентов систем жизнеобеспечения в разные исторические эпохи позволит в дальнейшем разработать концепцию их стабильности, построить их классификацию для отдельных регионов, а также проанализировать эффективность разнообразных механизмов поддержания устойчивости систем для сохранения и развития культурного разнообразия.

Даже кратко охарактеризовать все полученные результаты в статье не представляется возможным. Приведем здесь наиболее интересные. Собранные на упомянутом туркменском памятнике Гонур-депе данные показывают, что на ранних этапах существования города (конец III тыс. до н.э.) орошение имело лиманный характер. Усиление аридизации в начале II тыс. до н.э., снижение уровня Мургаба и пересыхание ряда его многочисленных рукавов привело к переходу населения к ирригации. На территории города выявлена целая система водохранилищ (бассейны) и каналов, а также особое сооружение для очистки речной воды. Подробное исследование одного из каналов [Сатаев, 2008], а также данного фильтра выявило их близкое сходство с таковыми, традиционно используемыми современными жителями Средней Азии для орошения, водоотведения и водоочистки.

Анализ археоботанического материала на том же памятнике показал, что наиболее широко в эпоху бронзы были представлены те же культуры, которые выращиваются в регионе и в настоящее время: пленчатые и голозерные пшеницы, двурядный и шестирядный ячмень, просо, бобовые чечевица, нут и горох (мелкосемянная форма), садовые яблоня, алыча, слива, виноград, бахчевые — дыня, а также виноград. Сравнительно крупные размеры и общие пропорции зерен злаков свидетельствуют, что растения выращивались в условиях достаточного влагообеспечения.

Широко в качестве топлива, в строительстве и для изготовления изделий эксплуатировалась и древесная растительность [Сатаева, Сатаев, 2014; Sataev, Sataeva, 2014]. На мясо жители Гонура забивали мелкий (МРС) и крупный (КРС) рогатый скот. Хотя по количеству остатков лидирует МРС, по объему мясной продукции КРС не намного уступал, а в некоторых случаях и превосходил МРС. Верблюды и ослы выполняли функцию выючных и тягловых животных, собаки использовались для охраны стад и жилища. В целом, можно констатировать, что развитие земледелия и животноводства определялось здесь не общими природно-климатическими условиями, а локальными условиями оазисной системы (где изменяются все климатические показатели). В свою очередь, функционирование последней было обусловлено сохранением на протяжении длительного времени стока р. Мургаб и существованием хранилищ воды. После высыхания древней дельты, местность пришла в запустение.

Изучение остатков животных из раскопок городища Кыз-Кала (XIII в., Древний Мерв) показывает, что по количеству костей здесь доминирует КРС (46,8%), ему заметно уступает МРС (26,4%) и лошадь (17,3%); отмечен верблюд (7,5%) и домашний осел (1,5%). Такое соотношение забиваемых на мясо животных достаточно высоким процентом лошади заметно отличается и от установленного для Гонура, и от фиксируемого на этнографических материалах. Поскольку климат в это время по аридности был близок к современному, можно предположить, что такой характер использования животных был обусловлен не природными, а социальными условиями (значительным внешним влиянием, т.к. на XIII в. приходятся монгольские завоевания).

В предгорной полосе Копетдага состав стада домашних животных в большей степени отвечал природно-климатическим условиям территории. Об этом свидетельствуют материалы памятника Новая Ниса (Ахальский велаят Туркменистана, раскопки В.Н. Пилипко), где со времени существования Парфянского царства до XVII в. включительно среди забиваемых животных почти

всегда доминирует МРС. Такая стратегия в области животноводства была здесь обусловлена сохранением традиций, которые оправдывали себя на протяжении предыдущих поколений, а также не резкими климатическими изменениями, имевшими место в этой части Южного Туркменистана. Исключение составляет материал XII–XIII вв., когда, как и в Мерве, среди забиваемых на мясо животных возрастает доля КРС и лошади, а также верблюда.

Другой характер использования животных, демонстрируют костные остатки из оставленного эфталитами могильника Шахидон (Таджикистан, V–VI вв., раскопки Т.Г. Филимоновой). Хотя о специфике хозяйства по таким материалам судить сложно, нужно отметить, что здесь преобладают лошади и мулы, также встречены остатки коз и овец. В погребения чаще всего помещались «шкуры» (голова и конечности), а также «мясные куски», что может свидетельствовать и об активном использовании этих видов на мясо. Практика широкого использования эквид в погребальном обряде (а также в пищу), хорошо отражает кочевнические традиции.

Изученный в указанных регионах богатый палеоантропологический материал показал, что, несмотря на широкое распространение отдельных заболеваний, население в диахронии демонстрирует довольно хорошую приспособленность к комплексу факторов окружающей среды. Данные палеопатологии, фенетики черепа и посткраниального скелета, а также других систем признаков, показывают, что все изученные группы древнего населения не демонстрируют выраженных проявлений дезадаптации.

Высокий уровень адаптированности жителей Гонур-депе к факторам среды подтверждается благополучной демографической обстановкой [Дубова, Рыкушина, 2007] и зафиксированной ретардацией темпов созревания скелета у детей, характерной также для «долгожительских» популяций. Высокая распространенность некоторых заболеваний (например, стоматологических и дегенеративных), по всей видимости, является следствием увеличения продолжительности жизни и профессиональной специализации людей, что в целом можно связать с высоким уровнем развития производящего хозяйства и урбанизацией [Куфтерин, 2015].

К особенностям известной краниосерии эпохи бронзы из Алтын-депе (Южный Туркменистан), по данным В.В. Куфтерина, можно отнести преобладание в палеопатологическом профиле стоматологических заболеваний (в первую очередь, кариеса и его осложнений, а также зубного камня), что, в целом, типично для земледельческих палеопопуляций региона (в частности, для Гонура). Сходную структуру палеопатологического профиля, когда при преобладании дегенеративных и стоматологических заболеваний занижены частоты инфекций и травм, показывает некрополь, относящийся к поздним этапам сапаллинской культуры Бустон VI [Дубова, Куфтерин, 2015]. Данные свидетельствуют о схожести протекания процессов адаптации у населения Шерабадского (Бактрия), Мургабского (Маргиана) и предгорий Копетдага.

Следует отметить также в целом невысокую частоту встречаемости различных стрессовых маркеров в палеопопуляциях кушанского (Ксиров) и эфталитского (Шахидон) времени в Южном Таджикистане. При значительных различиях в морфологии черепа серии сближаются по частотам палеопатологических маркеров. Полученные цифры близки таковым для раннего и развитого Средневековья Великобритании и свидетельствуют о достаточно хорошей адаптированности населения к условиям окружающей среды. Особенности развития рельефа длинных костей и состояние опорно-двигательного аппарата свидетельствуют об отсутствии экстремальных физических нагрузок у людей из Шахидона [Дубова, Куфтерин, 2016].

Список литературы

1. Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI). М.: Старый сад, 2015. 186 с.
2. Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Предварительные результаты исследования антропологических материалов из раскопок 2012-2013 гг. в Бальджуванском районе // АРТ. Вып. 40. Душанбе, 2016 (в печати).

3. Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. М.: Наука, 2007. С. 309-319.
4. Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // СЭ. 1983. № 1. С. 3-16.
5. Куфтерин В.В. Исследование темпов продольного роста длинных костей у населения Гонур-Депе: Туркменистан, эпоха бронзы // Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики / отв. ред. А.В. Громов, И.Г. Широбоков. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 58-61.
6. Куфтерин В.В. Новая палеоантропологическая находка из Южного Таджикистана (погребение эпохи бронзы в местности Обидара) // АРТ. Вып. 40. Душанбе, 2016 (в печати).
7. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
8. Сарияниди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
9. Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Результаты археозоологических и археоботанических исследований 2012-2013 гг. на Гонур Депе // ТрМАЭ. Т. 5. М.: Старый сад, 2014. С. 177-184.
10. У истоков цивилизации / ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М.: Старый сад, 2004. 470 с.
11. ТрМАЭ. Т. 2 / гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2008. 253 с.
12. На пути открытия цивилизации (ТрМАЭ. Т. 3] / ред. Кожин П.М., Косарев М.Ф., Дубова Н.А. СПб.: Алетейя, 2010. 712 с.
13. ТрМАЭ. Т. 4. Исследования Гонур Депе в 2008-2011 гг. / гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2012. 340 с.
14. ТрМАЭ. Т. 5. Исследования Гонур Депе в 2011-2013 гг. / гл. ред. В.И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2014. 256 с.
15. Ямсков А.Н. Трактовки понятия «жизнеобеспечение» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания. Вып. 1 / ред. Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), А.Н. Ямсков. М.: Старый сад, 2009. С. 73-94.
16. Sataev R., Sataeva L. Results of Archaeozoological and Archaeobotanical Research at the Bronze Age Gonur Depe Site (Turkmenistan) // Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014. P 369–372.

Список сокращений

АРТ — Археологические работы в Таджикистане, Душанбе
ТрМАЭ — Труды Маргианской археологической экспедиции, Москва
СЭ — Советская этнография, Москва